

Неблизость

Тору Мотидзуки

После странного визита в родительский дом они с Яри практически не разговаривали. Тору так и не смог выяснить, что такого сказала его мать, когда пригласила Яреци на прогулку, но был уверен, что ее слова довели девушку до слез. Когда та вернулась в гостиную, он заметил характерную припухлость вокруг ее глаз, что чуть не стало причиной очередной ссоры. В последний момент Тору все же сдержался, с неимоверным трудом пережил формальный до отвращения обед и, как только появилась возможность, забрал Яри из этого угнетающего места, ругая себя за то, что вообще потащил ее с собой в Японию.

Во время обратного пути он пытался вывести девушку на разговор, но наталкивался на ее нежелание обсуждать неприятную тему, от чего начинал нервничать еще сильнее. Ситуация не изменилась и после их возвращения в съемную квартиру. Сколько он не пытался пробить стену, которую Яри выстроила вокруг себя, у него ничего не получалось. Даже когда он ее обнимал, чувствовал некоторую отстраненность, совершенно не свойственную для их отношений. Тору чувствовал, что девушку что-то беспокоит и не понимал, почему она не хочет поделиться с ним, а потому постепенно начал раздражаться и все хуже контролировать расшалившиеся эмоции.

К вечеру нервное напряжение выросло до того, что он уже не мог усидеть на месте. Короткая прогулка до магазина за продуктами не помогла, только породив еще большее желание разобраться в непонятной ситуации, так что, вывалив все принесенное в кухне на стол, Тору повернулся к наблюдающей за этой картиной Яреци и, не выдержав, резко спросил:

- Может мы все-таки нормально поговорим? Или тебя устраивает тот бред, который сейчас происходит?

Он не хотел обидеть девушку или слишком на нее давить, но ему казалось, что замалчивание проблемы только усугубит ситуацию, в которой все может быть совсем не так трагично, как казалось Яри с ее вечными страхами и чрезмерно богатым воображением.

Яреци Фернандез

Обстановка, присутствующая на обеде, напоминала ей обстановку в особняке её бабушки по материнской линии. Такие же скучные разговоры, такая же холодность во взгляде. Только вот сейчас были темы разговоров другие, лица совсем другие и холодность во взгляде была какая-то отпугивающая. Ей казалось, что все, в том числе и Тору, смотрят на неё не только с неодобрением и не с холодностью, но с какой-то жестокостью. Как коршуны, которые налетели на бедное раненое животное, которое уже никуда не может спрятаться. И в глаза жертвы неподдельный ужас и нежелание мириться с этой ужасной ситуацией.

Яреци обдумывала слова, сказанные ей матерью Тору, и понимала, что та права -

она не может быть парой её сыну, она ещё слишком молода и у неё нет стержня. Она слишком эмоциональна, это тоже плохо. А вдруг она действительно лет через пятнадцать не сможет сидеть в тишине, думать о вечном, жить с Тору? Вдруг ей захочется развлечься, и Тору от этого будет страдать? Неужели действительно нет никакой любви? Всё это детский бред?

Ей было тяжело. Она даже не помнила, что подавали на обед, о чём велись разговоры. Помнила только, что её о чём-то спрашивали, а она отвечала. И помнила этот холодный властный взгляд карих глаз.

Тору пытался привести её в чувство, что-то говорил ей, обнимал её, но она больше не знала, как себя вести. Разговор тяжёлым грузом навалился на её сердце, не позволяя тому порхать и радоваться нежным прикосновениям любимого и дорогого человека. Чувства, эмоции, счастье... это всё для влюблённых дурочек, которые играют в куклы. В жестоком и реальном мире нет никаких чувств...

Она не хотела говорить с Тору, она пыталась ему объяснить, что пока не готова разговаривать с ним. Он ушёл в магазин, а она помыла посуду, оставшуюся с утра, и стала задумчиво вытирать её полотенцем. Потом пошла в комнату и переоделась. Настроение было паршивое. Она не знала, что ей делать. Сначала хотела позвонить папе или маме, но из-за разницы во времени у них было раннее утро, и они, наверняка ещё спали. Папа больше не писал ей, и она почувствовала одиночество.

Открылась входная дверь, и на кухню пришёл Тору. Его холодный и раздражённый голос заставил сердце сжаться от боли и пропустить удар. Она не знала, о чём говорить.

- Я... я не знаю, Тору... я не знаю, о чём говорить. - Она начала разбирать продукты, боясь смотреть на него...

Тору Мотидзуки

Яри на него не смотрела и снова пыталась уйти от разговора, усугубляя и без того непростую ситуацию. Он не понимал, чего она пытается добиться подобным поведением, ведь замалчивание проблемы не могло отменить ее существование. Скорее наоборот, чем дольше она уходила от ответа, тем напряженнее становилась обстановка. И если в том, что касалось тренировок, он был более чем терпелив, то когда речь заходила о недоговорках в отношениях с Яреци, его способность выдерживать паузу и выжидать подходящего момента сводилась практически к нулю. Поэтому сейчас он не собирался так легко оставлять ее в покое и принимать "я не знаю" за ответ.

- Яреци, можешь начнешь с того, о чем вы говорили с моей матерью? Я знаю, что после этого разговора ты плакала. Она сказала, что ты мне не подходишь, и мы должны расстаться?

Тору хорошо знал свою мать и догадывался, что та могла не просто сказать нечто подобное, но и привести веские аргументы, почему это именно так. А когда Мотидзуки Чиеко хотела кого-то убедить, она справлялась со своей задачей в

девяти случаев из десяти. И он знал об этом, но позволил Яри разговаривать с ней наедине. Видимо, годы так ничему его и не научили, и он остался таким же болваном, каким был в молодости.

- Яри, когда же ты уже, наконец, перестанешь слушать других и начнешь слушать меня? - Голос Тору становился все громче и грозил сорваться на крик. - Неужели мое мнение тебя совершенно не волнует?

Тору не понимал, почему Яреци так быстро сдается, когда на горизонте появляются абсолютно банальные проблемы. Она не побоялась сбежать из дома и отправиться без денег на другой конец света, когда за него испугалась, но, при этом, ушла при первой серьезной ссоре. Видимо, ему не суждено было понять, что творится в ее странной девичьей голове. А сама девушка, похоже, совершенно не хотела ему в этом помогать.

Яреци Фернандез

Она разложила продукты и посмотрела на Тору. Голова сильно болела, эмоции зашкаливали, но она не знала, о чем с ним говорить. Она не хотела его напрягать тем разговором с его матерью, она не хотела, чтобы он совершил что-то необдуманное, узнав, что было сказано и выплакано. Она не знала, что делать.

Его голос пугал. Он казался слишком злым, громким, нервным. Не таким, как она запомнила его в самый первый день встречи. Тогда он говорил стальным, бесчувственным голосом, а сейчас эмоции просто выливались наружу. Они были везде - в голосе, тоне, в глазах, в вырывающемся дыхании. Они даже были в кончиках пальцев рук, слегка подрагивающих. Тору почти кричал, и это слишком сильно давило на ее сознание.

- Успокойся, пожалуйста. Я... да, мы с твоей мамой говорили о нашем будущем, - девушке с трудом удавалось делать свой голос спокойным, но он предательски дрожал. Было страшно. Воздух вокруг них так накалился, что, казалось, сейчас будут выбрасываться из него молнии.

- Почему я должна слушать только тебя? Ты меня купил? Или ты считаешь меня своей вещью? - Она сама испугалась своего ледяного тона. - Тору, я очень устала. Давай мы продолжим наш разговор завтра?

Она направилась в сторону выхода из кухни. Заглянула в его глаза и остановилась. В первое мгновение у нее была мысль пролезть в его сознание, покопаться там хорошенько. Отдать какой-нибудь приказ. Но эта мысль была зарублена на корню - она не могла так поступить с любимым человеком. Наставница на это по головке не погладит. Если она вообще когда-нибудь вернется в монастырь.

Тору Мотидзуки

Яреци смотрела на него словно кролик на голодного удава, и это безумно раздражало. Он никак не мог понять почему, после всего, что было, она так и не научилась ему доверять, а временами казалось, что и вовсе боялась. Ведь он всегда был с ней терпелив, насколько это вообще представлялось возможным, и никогда не применял в отношении нее реальных карательных мер. Но, видимо, у

девушки имелось свое мнение на этот счет, заставляющее ее видеть угрозу в обычном повышении голоса.

Абстрактная формулировка "говорили о будущем" его ничуть не устроила, как и попытки Яреци его успокоить, заводящие сильнее прежнего. И он уже было хотел резко высказаться по этому поводу, как ее следующие слова заставили его пораженно замолчать и застыть на месте, глядя на девушку полным удивления и обиды взглядом. Ему казалось, что после предыдущей ссоры необоснованность подобных претензий стала очевидной, и вот сейчас они снова возвращались к тому, что он оказался собственником, считающим, что может распоряжаться Яреци по своему усмотрению.

Вся эта нелепость в очередной раз вызвала тупую боль в груди и понимание, что он самый распоследний дурак, не желающий замечать очевидного - девушка, с которой он хотел связать свою жизнь, даже не пыталась его услышать и не была готова бороться за их отношения, сдаваясь в любой непростой для нее ситуации. А ведь еще несколько часов назад он искренне верил в другое и потому не остановил мать, проявившую желание с ней пообщаться...

- Нет, Яреци, ты не вещь. Вещи нужны чтобы упрощать жизнь людей и дарить им радость, а ты только и делаешь, что сводишь меня с ума! Да и моей ты, похоже, так никогда и не была... Ты устала? Да это я устал постоянно играть с тобой в дурацкие детские игры...

Где-то в самых глубинах своего сознания Тору понимал, что когда он немного остынет, сильно пожалеет об этих словах, но сейчас в нем говорили разочарование и обида на несправедливые обвинения, и он никак не мог унять накатывающие волнами эмоции, прорывающиеся не только в словах, но и в мимике его обычно спокойного лица, подрагивающих пальцах рук и чрезмерно шумном дыхании.

Яреци Фернандез

Тору сильно нервничал, а вот Яреци почему-то была спокойна. Она холодно на него смотрела, кусала губу, которая побаливала после того, как во время общения с его матерью прикусила её. Она хотела, чтобы всё это прекратилось, чтобы Тору успокоился, перестал нервничать. Возможно, надо было просто подойти к нему, его обнять, сказать, что всё хорошо, что она со всем справится. И они справятся. Ей нужно одной решить этот момент. Это от неё зависит, будут они вместе или нет. Она любит его, сильно любит, искренне, и она хочет, чтобы он был счастлив. А вдруг она действительно не сможет быть вместе с ним всегда? Что он ей может посоветовать? Остаться с ним, а потом... что потом будет, если они действительно не подходят друг другу? Он будет страдать. Она не хочет, чтобы он страдал. Он всю жизнь страдал.

Может уехать отсюда? Перестать строить иллюзии, что ему с ней будет хорошо? Может действительно она не сможет подарить ему тепло домашнего очага, уют и спокойствие? Сделать для него дом, которого ему всегда не хватало? Она глубоко вздохнула, когда он начал говорить. Голос был громкий, но пока ещё он не кричал. Но этого хватило, чтобы она почувствовала какой-то прилив ненависти. Она сощурилась. Ментальный щит был крепким, хотя он тут не был нужен - она не

хотела никак воздействовать на его мозг. Ей просто показалось, что это поможет справиться с бурлящими эмоциями. Все слёзы были выплаканы несколько часов назад, в разговоре с его матерью. Больше плакать она не хотела. Не сегодня...

- Если я свожу тебя с ума, то почему ты не уйдёшь? - снова холодным тоном произнесла она, а потом поняла, что только что сказала. Побледнела и сглотнула. Но отступить уже было некогда. - Твоя мама говорила со мной обо мне, а не о тебе! Она меня спрашивала. И я должна ей ответить! Сама, понимаешь?! Я сама должна разобраться в своих чувствах к тебе! Я сильно устала, а ты вместо того, чтобы успокоиться и отдохнуть, устраиваешь истерики как дешёвая истеричка!

Произнесла это абсолютно ледяным тоном, глядя ему в глаза, девушка ощутила неприятную боль в голове, которая с каждым ударом сердца становилась всё сильнее. Кажется, она переборщила с концентрацией. Она поняла, что нельзя было это делать, что нужно было говорить совсем другое. Но это было сказано ровным тоном, слегка шипящим, ледяным. Только вот после этого снова стала пробиваться паника...

Тору Мотидзуки

Если бы она, как обычно, плакала или кричала, ее переживания в конце концов тронули его сердце, и он бы постепенно начал остывать, в итоге, заключив ее в свои объятия и пообещав, что в следующий раз за такое ее точно приберет. Но ее непривычно холодный тон словно липкой паутиной опутывал сердце и уничтожал все возникающие порывы остановить глупую ссору, пока та не переросла во что-то действительно непоправимое.

- А ты так жаждешь, чтобы я ушел? - Голос Тору сорвался на последнем слове, но он все же смог взять себя в руки. - Конечно, без меня будет намного проще жить в своем розовом мирке, где все прекрасно и понятно. Не надо принимать сложные решения, оправдываясь тем, что все равно ничего бы не получилось и убеждать себя, что все это сделано ради чужого счастья. Хватит уже этой ерунды. Просто признай, что ты боишься.

На самом деле Тору и сам долгое время боялся их возможного будущего, но, поняв, что наличие любимой женщины хотя бы какое-то время, в любом случае лучше, чем ее отсутствие, успокоился. Он и сейчас боялся, но уже того, что после всего произошедшего это будущее может уже никогда и не наступить. И не понимал, как этого не замечает Яреци, а если замечает, то почему реагирует на возможность потерять его настолько спокойно.

- Как же ты, бедная, со мной мучаешься. И отдохнуть-то я тебе не даю и истерики постоянно закатываю. Был бы нормальным мужиком, сидел бы в уголке и не мешал по пустякам. Ну, может, временами вылезал, чтобы приносить деньги, слушать твои капризы и убажывать в постели.

Тору почувствовал острое желание стукнуть кулаком по стене до разодранных костяшек, но ограничился тем, что сжал в кулак пальцы, поднес его к лицу и, с шумным выдохом, опустил руку. Наверное, в чем-то Ярецы была права, и он вел себя как последняя истеричка. Видимо, приезд в Японию не пошел ему на пользу,

превратив в импульсивного юношу, каким он когда-то был.

Яреци Фернандез

Почему это происходит с ними и сейчас, в это непростое время для Тору? Почему она вдруг стала говорить таким ледяным тоном, а он чуть ли не кричал? Почему они будто поменялись местами? Раньше Тору всегда говорил холодным тоном, и это придавало ей каких-то сил, спокойствия. Она чувствовала себя защищённой. Любимой. А сейчас, что произошло сейчас? Влияние этой страны на неё? Влияние семьи на него? Он много лет не появлялся дома, он ни разу не созванивался с родителями, не писал им, просто не оставлял какую-то весточку о себе, чтобы они хотя бы знали, что с ним всё в порядке. Хорошо, наверное, что у него появился Джун, который, вероятно, рассказывал что-то семье о нём. Даже если и не рассказывал, то знал хотя бы, что Тору жив, у него всё в порядке. И родители Тору от него узнавали об этом. И они хотели, чтобы он приехал, позвонил, написал. Но он не мог переступить через свою гордость.

Она ничего не знала о его семье, о прошлом, но очень сильно хотела понять, что же произошло между ним и его мамой, что он просто плюнул на всё и уехал? Они поссорились? Она не любила его? Или он не любил никого? Если он не любил раньше никого, то... может ли он вообще любить? Или... это глупость? Розовый мир?

Вот и он тоже сказал про розовый мир. И ещё много всего. И это всё ей не понравилось. Она молчала, не мешая ему высказывать всё, что накопилось в его душе. Иногда лучше просто помолчать. И она не понимала, почему вдруг стала такой холодной? Неужели слова его мамы так на неё повлияли? Неужели это действительно конец? Но почему кроме холода нет ничего? Ни страха, ни боли? Ни привычных слёз? Просто пустота... тьма, которая разрушила всё то, что было в её душе. Почему это не может быть сном? Почему нельзя просто проснуться?

Он сжал руку в кулак, и она слегка вздрогнула. Но он потом опустил руку. Хотелось сделать хоть что-то. Уйти? Снова убежать от проблем? Она же это привыкла делать...

- Успокойся! - прошипела она, подошла к столу и налила из крана холодную воду. Выплеснула на его лицо. - Остынь! Прошу тебя, давай мы поговорим завтра. Ложись спать.

И она прошла мимо него и направилась в комнату. Села на край кровати и посмотрела на стакан, который держала в руке. Всё это ей не нравилось, а на место пустоты в душе пришла паника. Нервы были натянуты как струна. Она вообще не понимала, что с ней происходит. Видно, действительно всему этому суждено было случиться...

Тору Мотидзуки

Говорят, если перестать себя сдерживать и позволить себе высказать все, что так и просится быть облеченным в слова, тебе станет легче. Но на Тору, позволившему себе не только повысить голос, но и говорить в адрес Яреци не самые приятные вещи, это правило почему-то не работало. После эмоционального выплеска ему стало только хуже - мир вокруг словно совсем потемнел, а ноющая боль в груди

казалась совершенно невыносимой, вызывая желание разорвать рубашку, словно это могло освободить дыхание от невидимых сил, затрудняющих каждый вдох и выдох.

Возможно, всему виной была реакция на его слова Яреци, а точнее, ее практически полное отсутствие. Не было ни привычных слез, ни криков, ни попыток сбежать... Только убивающее своей холодностью молчание и какие-то механические движения, больше похожие на движения робота, а не человека. Когда в руке девушки появился стакан с водой, Тору до последнего не верил, что она пустит его в ход, уж больно отстраненное у нее при этом было лицо. А подобные вещи, в его представлении, делались на эмоциях, когда человек не мог себя контролировать и пытался выразить накопившуюся боль в глупом поступке, вроде той пощечины, которую он получил во время их предыдущей ссоры.

Так что когда в лицо ему все-таки плеснули водой, Тору так до конца и не понял, как же это могло произойти. Но стекающие по лицу капли говорили сами за себя, унося вместе с собой злость и раздражение и оставляя взамен только пустоту. Что же, если Яреци хотела его успокоить и заставить замолчать, у нее это прекрасно получилось. Больше он не сказал ни слова, уйдя в ванную за полотенцем. Что там она еще просила? Чтобы он лег спать? Тору не собирался спать, как и, в принципе, делить постель с этой незнакомой ему равнодушной женщиной. Более того, сама мысль о необходимости провести ночь с ней в одном помещении казалась ему сейчас невыносимой. Хотя, она же предлагала ему уйти, так что он мог с чистой совестью воспользоваться этим предложением.

Тору вытер лицо, вышел из ванной и, не глядя в сторону Яреци, начал собирать сумку, хотя его сборы, по большей части, заключались в том, что он кинул в нее первые попавшиеся вещи. Он плохо понимал куда и на какое время уходит. Знал только, что оставаться здесь, в этой атмосфере выше его сил. И пусть его побег был проявлением слабости, он уже не мог остановиться и заставить себя мыслить рационально.

Несколько минут - и вот уже сумка переброшена через плечо, ботинки надеты, а единственный экземпляр ключей от квартиры повешен на вешалку возле двери. Оставался последний шаг, отделяющий его от поступка, о котором он, вероятно, потом будет сильно жалеть. Ненадолго он замер, положив руку на дверную ручку и не решаясь ее повернуть, но за его спиной царила тишина, говорящая, что препятствовать его уходу никто не будет и, тем самым, подтверждающая верность принятого решения. В одно движение Тору распахнул дверь, вышел из квартиры и, так и не обернувшись направился к лифту. Пока он не решил, куда пойдет и где будет ночевать, но одно он знал точно - обратно он сегодня не вернется...

Яреци Фернандез

Было тихо. Потом слышались шаги, затем они остановились совсем близко. Она сидела на краю кровати и смотрела на стакан, зажаты в руке. Состояние было паршивое, а паника потихоньку завладевала её сознанием, всё сильнее оттесняя тьму, что поселилась в сердце и заполняя пустоту, царившую в душе. Какая-то возня была у шкафа, размеренное дыхание, но она не могла заставить себя поднять голову и посмотреть, что он делает. Хотя это было очевидно. Но, возможно, ещё

можно было его спасти, сделав хоть что-то. Рассказав о разговоре с его матерью. Попытаться объяснить, что она сама хочет сделать свой выбор. Но она не сделала этого. Она даже не подняла голову, чтобы посмотреть на него.

Удаляющиеся шаги заставили её зажмуриться и чуть ли не застонать. Ещё было время, оно было ничтожно мало, но стоило хотя бы попытаться поговорить с ним. Хотя бы обнять. Но она продолжила сидеть на кровати, сильно сжимая стакан. Открылась входная дверь. Она сильнее зажмурилась.

Но вот когда послышался шум открывающихся дверей лифта, она вздрогнула. Это было сигналом. Нужно встать и побежать к нему. Остановить его. Но она не сделала этого. Вместо этого она открыла глаза и повернула голову, надеясь, что сможет увидеть его. Но его не было. Рука, держащая стакан, на стенках которого остались капли воды, поднялась.

- Ну и убирайся! - прошипела девушка и силой швырнула стакан в стену. - Убирайся! Я ненавижу тебя!

Всё имеет свой срок. Истерики со слезами, криками когда-нибудь заканчиваются, уступая место апатии. Теперь оказалось, что такое новое её состояние, которое было ей абсолютно несвойственно, тоже закончилось. Звон разбившегося о стену стакана, который стал простыми осколками, сначала коснулся её ушей, а потом пропитал каждую клеточку её сознания. Сильно заболела голова, казалось, что черепная коробка сейчас затрещит по швам, а мозг перестанет работать. Она зажмурилась и закрыла уши руками, но звон, кажется, не утихал. Хотелось убежать от этого звона, скрыться от него, что-то сделать. Хотелось кричать, но вместо криков вырвался лишь слабый стон. Он ушёл. Он больше никогда не вернётся. Она снова всё разрушила. Его мама была права - она не может быть рядом с ним. Она ещё слишком молода. Он был прав, сказав, что она живет в розовом мире, где всё прекрасно. Именно в своём розовом мире она и нашла его. Она полюбила то, что хотела полюбить, но ведь это всего лишь её воображение. Люди не такие...

Звон никак не прекращался, и к нему добавился какой-то отдалённый хлопок. Закрылась подъездная дверь. Она резко вскочила с кровати, пошатнулась и посмотрела на дверь в комнату. Хотела сделать шаг, хотела побежать вниз, догнать его, попросить прощения, сказать, что любит и никогда больше не бросит, но ноги не слушались. По щекам потекли слёзы, и она опустилась на колени, закрыв лицо руками. Это конец. Она больше никогда его не увидит. Она больше никогда не сможет сказать ему, что любит его.

Взгляд упал на маленький осколок бывшего стакана, и она взяла его в руку. Рассмотрела и провела пальцем по сколу. Почувствовала жжение, а из маленькой ранки появилась кровь. Она вздрогнула и сглотнула. Посмотрела на запястье и прислонила осколок к нему. Зачем жить дальше, зачем существовать, если она сама оттолкнула любимого человека? Но нет, это не выход. Она никогда не решится на такое. Она не может просто так поступить. Они будут страдать. Она просто не может так поступить.

Рыдания душили её, она плакала в голос, и она сжала этот осколок в руке. По ребру ладони закапала кровь, но ей не было больно. Ей стало страшно, она не знала, что

делать. Голова сильно болела, рыдания рвали её грудную клетку, в мозгу лихорадочно пульсировала мысль, что она предательница, что она уничтожила своего любимого человека. Он никогда её не простит. Он никогда не посмотрит на неё. Он...

От избытка чувств она впала в небытие, свернувшись калачиком на ковре, сжимая осколок в руке. Рыдания перешли в тихие всхлипы, а тело стал пробивать озноб. Но это было неважно. Как, впрочем и то, что входная дверь в квартиру не была закрыта. Она была прикрыта порывом ветра, и если не вглядываться, то и не было видно, что есть небольшая щель...
